

ТЕОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИЗМА Г. ГИЙОМА И ВОПРОСЫ НЕЙРОЛИНГВИСТИКИ

МИНКИН Л. М.

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды

В статье рассматривается кинетизм лингвистического ментализма в ходе каузации язык-дискурс, а также анализируются гипотетические фазы ментально-нейронной коммутации в аспекте лингвистической концепции Г. Гийома.

Ключевые слова: лингвистический ментализм, каузация язык-дискурс, ментально-нейронна коммутация.

У статті розглядається кінетизм лінгвістичного менталізму в ході каузації мова-дискурс, а також аналізуються гіпотетичні фази ментально-нейронної комутації в аспекті лінгвістичної концепції Г. Гійома.

Ключові слова: лінгвістичний менталізм, каузація мова-дискурс, ментально-нейронна комутація.

The article deals with the kinetics of linguistic mentalism in the language-discourse; it analyzes hypothetical phases of mental and neural commutation in the linguistic conception by G. Guillaume.

Key words: psychosystematics, psychosemiology, neurolinguistics, linguistic mentalism, causation, commutation.

Одно из недавних изданий научных записок Парижского лингвистического общества посвящено основным направлениям когнитивной семантики. В обзорных статьях этого издания речь идет о том, что глобализация лингвокогнитивных исследований прежде всего связана с традициями американской когнитивной лингвистики, а также с другими “национальными” лингвистическими направлениями, в частности с современной французской школой лингвистического ментализма [18, р. 10–51], основателем которой является Г. Гийом.

На русский язык переведена лишь одна из работ Г. Гийома, которая не полностью соответствует французскому изданию [2; 13]. Наши лингвисты (и не только лингвисты) далеко не всегда знакомы с лингво-философской теорией Г. Гийома. Единственно доступным остается монографическое издание (курс лекций по языкознанию) профессора Елизаветы Артуровны Реферовской [8] “Философия лингвистики Г. Гийома”. Кроме многочисленных статей, вопросы теории Г. Гийома рассматриваются в пособиях по теоретической грамматике французского языка Е. А. Реферовской и А. К. Васильевой [9], а также изданном недавно в Украине учебнике М. М. Поповича [24]. Особо следует отметить монографии Ж. Муанье, в которых структуры французского языка интерпретируются в аспекте теории Г. Гийома [20, р. 8]. Общее представление о концепции Г. Гийома содержит объяснительный словарь его терминов А. Боон и А. Жоли [12].

Центром, где сосредоточены неизданные рукописи Г. Гийома (более 60000 страниц), является Университет Лаваль (Квебек), хранитель которых Р. Вален – один из учеников Г. Гийома. Многочисленные последователи Г. Гийома развивают и углубляют положения его теории. Среди них М. Вильме, М. Туссен, Б. Потье, А. Кюлиоли, М. Валет и др. Одна из последних работ – монография М. Валет, в которой рассматриваются взгляды многих лингвистов школы Г. Гийома [27]. Специальные издания научных журналов, авторы которых в основном лингвисты постгийомовского поколения, анализируют отдельные положения концепции метра [14; 15; 16]. Данная концепция представлена в основном в трех

взаимосвязанных разделах: психосемиологии, психосистематике и психомеханике. Префикс психо- в названиях этих разделов передает специализацию ментального подхода на определенном уровне характеристики лингвистических явлений от начала (*un avant*) до их завершения (*un après*) [20, p. 7]

В данной статье содержится попытка рассмотреть психосистематику, психосемиологию и психомеханику в едином ключе лингвистического ментализма и гипотетического подхода к анализу функционирования мышления и форм его речезыкового выражения на разных этапах каузации от языка до дискурса. Это позволит обратиться к характеристике взглядов некоторых французских исследователей нейролингвистических проблем в связи с теорией Г. Гийома.

Основные составляющие языковой системы – психосистематика и психосемиология, соответственно представляющие означаемое и означающее знака. Начальная фаза психосистематики – это свободное мышление (предлингвистическое), недоступное для лингвиста и которое возможно реконструировать и представить в виде определенных когнитивных схем, которые могут реализоваться в зависимости от модальностей дискурса (речи) [28, p. 79–80]. На предлингвистическом этапе, где не работают психомеханизмы, мысль свободна и автономна. Психомеханизмы способствуют выделению предназначенной для речи мысли из ее когнитивного пространства свободного мышления. Последнее становится несвободным в речи. Это соответствует философской паре понятий, сформулированных Лейбницем: недетерминизм/детерминизм. Психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а определенные готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, механизмы, которыми язык дает точное отражение в виде определенной формы (структуры). “Ясно, что самая первая необходимость для акта выражения заключается в том, что без перехвата мышлением самого себя невозможно выражение” [2, с. 54]. Мышление совершенно свободно в своем движении. Однако существует отличие в возможности и количестве ограниченных средств мысленного самослежения, перехватов [там же]. Перехватить – это одновременно задержать и понять. Это необходимо мышлению, поскольку оно создает самое себя. Перехваты придают мышлению потенциальную значимость [27, p. 11]. Совместная работа языка и мышления ограничивает свободу мышления, которое создает язык для своего собственного выражения. Гийом не отождествляет язык и мышление, а интегрирует в единой системе. Автономная когнитивная система открыта внешнему миру. Образование ментальной языковой системы (психосистематики) подчиняется строгому закону когерентности [13, p. 257]. Мышление для своего собственного выражения создает психосемиологическую систему, цель которой не внутренняя организация означающих, а лишь их достаточное выражение. В плане становления языка ментальное (психосистематика) предшествует семасиологии [17, p. 258–259]. Г. Гийом постулирует психофизический (ментально-семасиологический) синтез уже на начальном этапе кинетизма ментальных и физических операций [28, p. 113]. “В языке есть два сложных механизма: психосистематический, относящийся к мыслительному построению, т.е. языку и психосемиологический (знаково-речевой – Л. М.) <...> за ним просматривается психосистематический. И наоборот, психосистематический механизм хорошо виден только тогда, когда различают покрывающий его психосемиологический <...> одно знание помогает добывать другое” [2, с. 42–43]. Налицо два метадискурса: один механический, другой – ментальный, которые представляют означающее и означаемое. Лингвист может постичь операции психомеханизмов свободного автономного мышления только путем теоретической реконструкции виртуальной языковой реальности через видимую, актуализированную. Поскольку мышление является “конструктором” постоянно детерминированных психомеханизмов мышления, М. Валет представляет интеграцию механизмов мышления в виде единой психомеханической функции $f(x)$, где x обозначает психизм, содержание

мышления, а *f* – постоянные системные психомеханизмы (перехваты, остановки). При этом М. Валет имеет в виду гипотезу почти столетней давности о том, что лингвистическое исследование речевой деятельности (*le langage*) должно базироваться на постулате: *речевая деятельность = совокупность механизмов и мышления (семантики) (le langage = mecanisme+x)*, но, по Гийому, в психомеханической перспективе [28, р. 81].

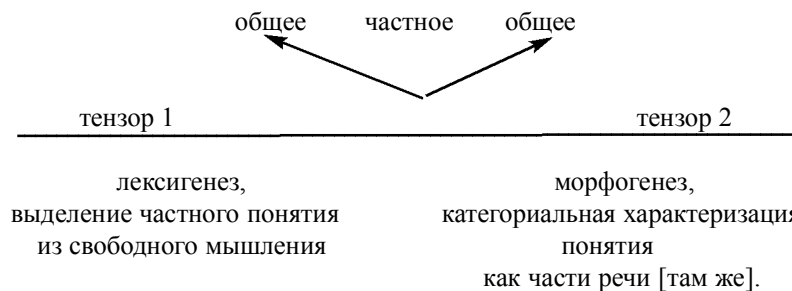
Механизмы перехватов (остановок) кинетизма мышления работают в языке и речи (речевом акте). В языке они являются условием его потенциальности, в речевой деятельности связаны с реализацией высказываний. Поскольку в речевой деятельности (речевом акте) интегрируются свойства языка и речи, потенциальность мышления – это, по сути, речевая деятельность [28, р. 83].

В языке и речи перехваты мышления осуществляются в рамках единого инвариантного субстрата, который имеет много форм движения мысли от общего к частному, от него снова к общему, маркирующему семантико-функциональную специализацию слова, высказывания [5, с. 107; 12, р. 422]. Все изменения, связанные с полем речевого использования слова, высказывания “подразумевают идею, прочно присвоившую себе отдельный знак” [2, с. 158].

При переходе языка в речь (дискурс) лингвистический знак оказывается между двумя означаемыми. В языке лингвистический знак представляет собой прежде всего понятие, выделенное в результате последовательных мыслительных операций из свободного (когнитивного) мышления. При следующем (втором) перехвате понятие (означаемое) приобретает лингвистическую форму (означающее). Две операции образования лингвистического знака в системе Ж. Муанье схематично представляет следующим образом [21, р. 11]:

Понятие + форма
→ →
понятие форма

Первичным остается понятие, форма вторична. Выделенное частное понятие приобретает форму, характеризующую его в общих лингвистических (морфологических) категориях. При этом мысль движется от общего (лексигенез) от него к частному, затем снова к общему (морфогенез). Такой кинетизм категоризации слова в схеме субстрата с двойным тензором (обозначающим градуальное движение мысли) Ж. Муанье представляет так:

Содержание операции лексигенеза – это концептуализация данных человеческого опыта, образующих субстанцию универсума, с которым сталкивается мышление человека, – того, что существует вне меня и является предметом моего восприятия [28, р. 138–139]. Кинетизм мышления человека между двумя универсумами (вне меня и во мне) – фундаментальный механизм речи (речевой деятельности) [там же]. Конструктивная функция языковой системы – это когниция в форме отношения человека к универсуму. Причем такое отношение по своей природе рекурсивно, ментальная деятельность продолжается и сопровождается референтной

функцией. Не универсум организует язык, но мышление самоорганизуется языком, который создает универсум (во мне) для своей собственной организации [там же]. При этом автономное мышление (“беспорядок”) поддерживает порядок в психосистематике языка.

В языковой системе знак инвариантен, означающее статично по отношению к означаемому, это предопределяет (обобщенную) однозначность знака. В языке психосистематика и психосемиология интегрированы в единой системной субстанции – лингвистическом знаке, где они статичны, в дискурсе динамичны.

В языке психомеханические операции фрагментируют автономное мышление в отдельные понятия, оптимизируя их выражение. Они становятся когерентными подобно тому, как “беспорядочные идеи” организуются субъектом в письменной или устной речи. Закон когерентности психосистематики коррелирует с законом психосемиологии – максимальной репрезентации представлений в дискурсе [2, с. 76; 17, р. 258].

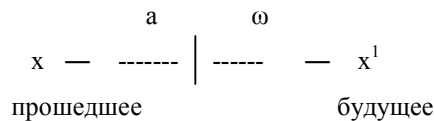
Другими словами, в системе языка когерентность означаемых (психосистематика) является тотальной. В языковом знаке (означаемое + означающее) когерентность относительна, поскольку она обусловлена (семиологически) максимой выражения. При реализации этой максимы возможна (в определенном контексте) актуализация различных означаемых (effets de sens) в пределах одного означаемого. Поэтому дискурсу не свойственна психосистематическая когерентность языковой системы [21, р. 4–5]. Когерентность дискурса проявляется в разнообразных формах: тематической, референциальной, пропозициональной, иллюкутивной, аргументативной, темпоральной [19, р. 460].

Когерентность языковой системы – это многомерное построение, в котором позиция определяет инвариантное значение формы. Г. Гийом отмечает, что важным композиционным признаком языковой системы является психосистемная бинарность (означаемых), например, временных форм индикатива [13, р. 246]. В дискурсе универсум времени – его линейность представляет начало его специализации. Антиномия пространство/время сохраняется в абстрактных временных схемах языковой системы, представляющих результат глубинных ментальных процессов диахронического плана [13, р. 208–209]. Конструкции языка не связаны с моментом речи в дискурсе, они потенциальны как морфологические формы времени, имеющие пространственное “измерение” [13, р. 209].

Возвращаясь к бинарным построениям форм индикатива, отметим, что структурообразующей является форма презенса, которая (как и в других романских языках) не имеет единого значения, наподобие английского Present Continuous Tense. Значение формы французского настоящего времени, разделяющей план прошедшего и будущего, складывается из двух сем – ‘прошедшего’ и ‘будущего’.

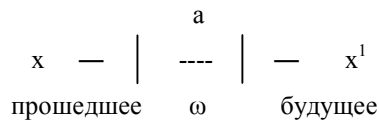
В зависимости от конфигурации этих сем в виртуальном пространстве языковой системы:

а) позиционной

или

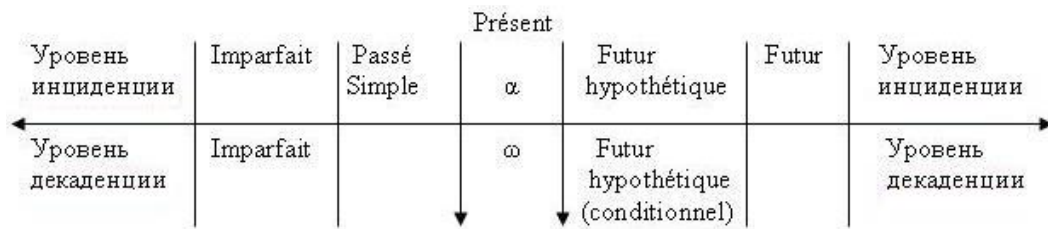
б) композиционной

[6, с. 6–7] изменяется направленность психосистематической когерентности времен индикатива. Позиционный (горизонтальный) презенс передает идею целостности, отсутствия разрыва времен. Композиционный (вертикальный) презенс включает два уровня – инцидентный и декадентный, либо только инцидентный. Последний Е. А. Реферовская называет уровнем контакта действия со временем [8, с. 92]. Трудно объяснить, отмечал Г. Гийом, что представляет система индикатива, если не принять во внимание такое строение системы [17, р. 111].

Итак, инцидентный уровень отвечает действию как совершающемуся процессу, декадентный – уже совершившемуся.

С учетом вертикального и горизонтального кинетизма когерентности как многомерного явления распределение временных форм в виртуальном пространстве языковой системы выглядит следующим образом:

[13, р. 249].

Passé simple – форма инцидентная, ибо она предполагает определенный момент контакта действия со временем. Имперфект обозначает помимо контакта со временем выход из этого контакта и является формой как инцидентной, так и декадентной. Ср.: *Il vecut dix ans. Il vivait dix ans.* Он прожил 10 лет. Он жил (и продолжал жить 10 лет). Обе формы относятся к прошедшему времени и различаются своей внутренней структурой, которая проявляется в реализации системной потенции временных форм, их специализации в дискурсе в виде речевых значений (effets de sens) [13, р. 249].

Форма futur simple обозначает действие предполагаемое, которому свойственна некоторая гипотетичность. Форма гипотетического будущего (кондиционал) содержит уже усиленную сему ‘гипотетичности’. “По месту образования (позиции) гипотетическое будущее предшествует форме будущего категорического. Следовательно, замена формы категорического будущего (futur simple) формой гипотетического будущего (conditionnel) представляет декаденцию” [8, с. 95], т.е. кинетизм назад от последующего к предшествующему. Окончание *-ait* гипотетического футурума тоже, что и у имперфекта. Оно относится к любой временной декаденции. Это факт семиологии. Налицо семиологическая адекватность имперфекта и гипотетического будущего при различии их в психосистематическом (понятийном) плане, которое представляет “тайну для исследователей” [13, р. 245].

Различие в психосистематическом плане между имперфектом и гипотетическим будущим связано также с отсутствием морфологического показателя *r* перед окончаниями имперфекта и его присутствием перед окончаниями в форме категорического футурума и гипотетического футурума (*chantais, chenterais*). В горизонтальной паре passé simple/ futur simple отсутствует психосемиологическая симметрия, при наличии психосистематической в разных эпохах (прошедшего и будущего).

В дискурсе варьируется лишь означаемое знака (его психосистематическая составляющая) в основном в пределах потенциальных возможностей его языковой значимости [4, с. 184].

Вариантные значения имперфекта зависят иногда от прагматической (стилистической) интерпретации семантики предложения, его контекста. Так, предложение *Un instant après le train déraillait* может трактоваться двояко: 1. ... *déraillait* имеет значение “*deraila, a déraillé*”;

положительное значение глагола–сказуемого обусловлено тем, что мгновение (*un instant*) прошло. 2. ... глагол *dérailloit* имплицитно негативен (“*aurait déraillé, n’a pas déraillé*”); мгновение не наступило. В двух вариантах предложения положительный и негативный имперфект передает инцидентное действие; отсутствуют обозначения длительного действия, оно мыслится как продолжающееся, т.е. в плане декаденции [13, р. 215–216; 17, р. 109]. При этом предложение с имплицитно-негативным имперфектом приобретает перспективное значение [12, р. 229].

Вместе с тем, в дискурсе под влиянием контекста и ментальных модальностей коммуникантов возможно варьирование означаемых знаков вне потенциальных рамок системной значимости инвариантных значений. Так, для выражения команды, просьбы, пожелания во французском языке наряду с императивом *viens* возможно сказать: *tu viens, tu viendras, qu’il vienne, venir demain à huit heures*. Подобный синонимический ряд характерен для грамматики (синтаксиса) дискурса.

Система представляет ряд форм для выражения одного значения, но уже в вариантных презентациях. Говорящий “подыскивает” соответствующие формы, например, для выражения побуждения. Перечисленные выше формы по своему значению опосредованно коррелируют с инвариантным значением формы в языковой системе. Стало быть, в дискурсе “семасиологическое” покрытие определенного вариантного значения может быть реализовано специализированной формой как при симметрии, так и при асимметрии означающего и означаемого или другими формами потенциально соотносимыми с системным инвариантом, например, будущим действием для выражения побуждения, а также в структурах различных стилистических троп (при разной степени несоответствия означаемого и означающего). Во всех случаях ментальное предшествует семиологическому как и в языковой системе, но с той разницей, что потенциальная “молчаливая” семиология системы актуализируется в виде речевых презентаций мышления. В этом случае мыслить – значит говорить [12, р. 27–35], когда реализуется экспрессивная (выразительная) функция семиологии совместно с семантической и прагматической функциями номинации. Это область психомеханики речевой деятельности.

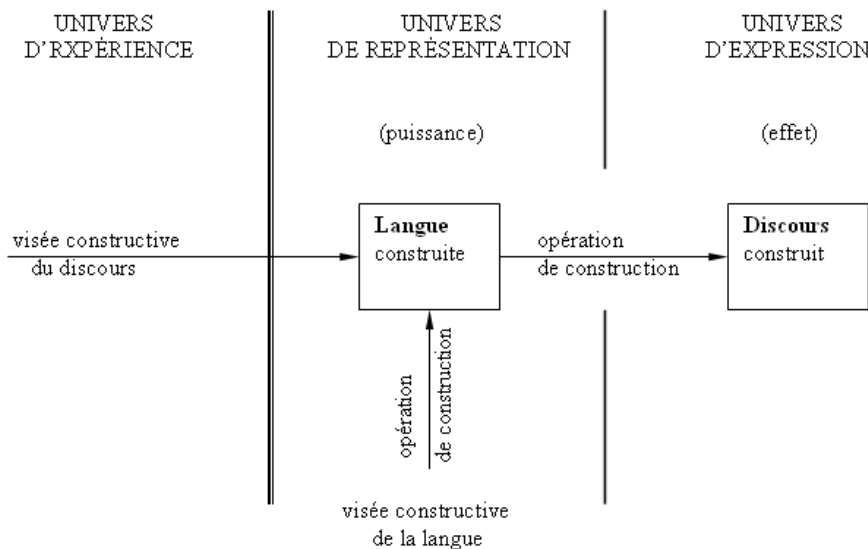
Мышление, которое “руководит” речезыковым актом, выполняет двойную функцию: 1) содержания дискурса (то, что говорится); 2) мотивирующую (почему говорят) [12, р. 311].

Основой, без которой психомеханика речезыковой деятельности не отвечала бы лингвистической реальности, является оперативное время. С оперативным временем мы подходим к подлинной феноменологии речезыковой деятельности, в которой время становится главным параметром анализа [29, р. 58]. Оперативное время – референт ментального кинетизма, охватывающего внутренние и внешние операции от построения до результата. Такой подход требует специальной методики анализа, позволяющей реконструировать сам процесс построения, его каузативную цепь от универсума опыта до универсума выражения. При этом за исходную, доступную для наблюдения, принимается результативная часть в виде целого дискурса или его части. Такой анализ мотивирован тем, что лингвист рассматривает с опозданием дискурсивные формы как результативные, вне динамики их каузации [12, р. 294]. Каузация – это цепь последовательных операций, перехватов ментальных (психомеханических) процессов, имеющих свое начало и завершение, а также различные фазы. Г. Гийом иногда рассматривает мыслительные операции в виде процессуальных актов, генезиса, продуцирования процесса построения. В разные годы ученый использует название операции речевой деятельности (*act de langage*) в значении дискурсивная операция (*opération de discours*) [12, р. 297].

Г. Гийом разграничивает два типа операторов: оператор как средство и оператор–“рабочий” (субъект высказывания), производящий саму операцию. Первый – это грамматические слова, хранящиеся в глубине мысли, их функция – программирование операций, необходимых для построения говорящим дискурса в режиме кинетизма. В дискурсе конвертируется

языковой кинетизм грамматических слов, а также “движение” означаемых в одном ментальном потоке. В направлении от языка к дискурсу грамматические слова как потенциальные операторы перехватов в мышлении обозначают переход от кинетизма к статике. Оператор дискурса трансформирует системный кинетизм переводя его в статизм перехватов (остановок), которые свойственны соответствующему целеполаганию и, в конечном счете, реализуются как операторы выбора [12, р. 292–293]. Было отмечено, термин “оператор” часто употребляется в языке для обозначения разделительной функции (*opération de séparation*) презенса индикатива на эпоху прошедшего и будущего, с одной стороны, и временных периодов совершенного и совершающегося действий, с другой, или применительно к операциям инвариантного ментального субстрата партикуляризации и генерализации (*opération de particularisation et de généralisation*) [там же; 24, р. 197].

Речевая деятельность охватывает два типа операций: в языке, в потенциальном плане и в речевом (в дискурсе). Каждый из этих планов включает три фазы операций: целеполагание построения – операция построения (процесс построения) – результат (само построение), которые наиболее обобщенно представлены в следующей таблице:

[12, р. 296].

Вертикальная последовательность охватывает глоссогению, постоянный генезис языка во времени. Горизонтальная последовательность – это праксеогения, этапы ментального использования языка в соответствии с конструктивным целеполаганием дискурса, первая фаза которого без речевой деятельности покрывает универсум опыта человека. В таком целеполагании (праксеогении) Г. Гийом последовательно различал: цель мышления, интенциональное значение, целеполагание реализации и дискурсивное целеполагание, которые реализует говорящий в момент речи. По существу операция построения дискурса представляет речевой акт (*act de langage*) – единицу речевой деятельности, в которой интегрируются свойства языка и речи; речевой акт – это переход от потенции языка к дискурсивным реализациям [12, р. 295]. На этом этапе происходит оптимизация (*effectation*) потенциальных свойств языка, что сказывается на всём процессе активизации и приводит к уменьшению его оперативного времени [28, р. 190]. Очевидно, что оптимизацию надо воспринимать как явление, означающее максимальную эффективность возможностей языка, а актуализацию – в более широком плане перехода языка в речь/дискурс.

Начало каузации – универсум опыта представляет континуум эмпирических знаний физической и ментальной реальности [12, р. 158]. Такие знания трансформируются в языковые представления (репрезентации), которые в виде означаемых лингвистических знаков участвуют в построении и функционировании дискурсивных конструкций [там же]. Это позволяет эксплицировать когнитивные операции при переходе язык-дискурс.

Конечно, в плане онтологии трудно определить этапы каузативной связи мышление – язык – дискурс, гипотетическая реконструкция такого перехода основывается на кинетизме соответствующего оперативного времени, конечный этап которого дискурсивное построение и его прагматически ориентированные свойства: контекстуальная обусловленность и интерпретация говорящим содержания сообщения. На финальном этапе перехода язык-речь субъект речи (говорящий) активизирует свою креативную функцию.

Нейролингвистический аспект концепции Г. Гийома

Немного о нейролингвистической проблематике и связанных с ней вопросах. “Основным объектом изучения нейролингвистики является система языка в соотношении с мозговыми механизмами речевого поведения. В конкретных исследованиях <...> на передний план выдвигается собственно лингвистическая часть, например, у Р. О. Якобсона, в других – нейрофизиологическая, например, у А. Р. Лурии, в третьих – психологическая, например, у Л. С. Выготского” [3, с. 4–5].

При рассмотрении нейролингвистических вопросов концепции Г. Гийома интерес представляют режимы “работы” психомеханизмов мышления, их кинетизма и статики, временной субстрат динамики каузативного и креативного этапов порождения высказывания, цепи высказываний в виде дискурса. Именно дискурсивные конструкции, в их динамическом представлении в виде речевой деятельности служат материалом нейролингвистических наблюдений.

К сожалению, в нейролингвистических исследованиях сохраняется тенденция анализа высказываний без четкого разграничения языка и речи, хотя в ряде случаев имплицитно признается предваряющее построению высказывания наличие совокупности “внутренних слов” (знаков) [1, с. 195]. Вот что пишет Т. В. Ахутина в монографии о нейролингвистическом анализе синтаксиса: “Мышление, процесс целеполагания идет с привлечением внутренних слов (знаков), но внутренняя речь играет подсобную роль. Собственную задачу – развертывание мысли в слово – она выполняет на следующем этапе” [там же].

Само исследование нейропсихологических патологий в виде разного рода афазий происходит на основе видимой (услышанной) речи, трехуровневой организации ее синтаксиса: смыслового, семантического и формально-грамматического [1, с. 199]. При этом основное внимание уделяется локализации афазий на пространстве порождения речи [1, с. 195] и выявлению соответствующих нарушений в ментальных и моторных механизмах.

Привлечение отдельных явлений языка и речи неосознанной и осознанной ментальной активности, очевидно, способствовало бы более точному определению нейролингвистических патологий на разных этапах ментальной активности субъекта. В ментальном программировании роль бессознательного (неосознанного) велика, т. к. оно занимает значительную часть оперативного времени на пути к высказыванию: “... теория бессознательного должна быть способна объяснить тот факт, что интенциональное состояние репрезентирует свои условия выполнимости в определенных аспектах, имеющих значение для агента” [10, с. 150], в общем плане для субъектов коммуникации. “Понятие бессознательного ментального состояния предполагает его доступность сознанию <...> понятие бессознательного <...> потенциально сознательно...” [10, с. 148]. Наконец, “... онтология сознательного, строго говоря, есть онтология нейрофизиологии, способность порождать сознание” [10, с. 165]. Приведенные выше высказывания из монографии Дж. Сёрля, в которой рассматривается феномен бессознательного

вне связи с языком, с дискурсом, их психомеханизмами, не исключает отдельных примеров такого рода. “Для очень большого числа случаев сознание в самом деле является сознанием чего-то, а предлог *of* во фразе *consciousness of* есть *of* интенциональности” [10, с. 131]. Это правило носителями английского языка при определенном (коммуникативном) интенциональном состоянии применяется неосознанно (“механически”). В этом смысле бессознательное (вернее, неосознанная ментальная активность субъекта) потенциально сознательна. Например, для иностранца, изучающего английский язык. При таком подходе к толкованию сознательного и бессознательного в каузальной цепи опыт – язык – дискурс, как было уже отмечено, бессознательное покрывает начальную фазу оперативного времени порождения, а сознательное – конечную, креативную. Очевидно, неосознанная ментальная активность, ее онтологическая способность порождать сознательное вписывается в общее представление о диалектическом отношении языка и мышления. Мышление моделирует язык в плане построения модели, язык моделирует мышление, будучи ее стимулятором [28, р. 275]; в своем движении мышление самомоделируется, осуществляя внутренние перехваты (остановки). Ментальный кинетизм обеспечивается нейролингвистическим субстратом, физическим состоянием мозга. Г. Гийом постулирует соответствие (взаимозависимость) ментального и его нейронного уровней.

Проблема не только в гипотетическом постулировании такого соответствия, но также в его реконструкции. Такая реконструкция может рассматриваться как программа междисциплинарных исследований при изучении различных патологий речи [28, р. 108]. Взаимоотношение ментального и физического (нейронного) возможно представить схематически последовательно на пространстве каузации, в процессе перехода от языка к дискурсу. Отметим еще раз, что значительный путь такого перехода относится к зоне неосознанной ментальной активности.

Г. Гийом заменяет понятие переход от языка к дискурсу понятием коммутации (от целеполагания в мышлении в мысленное высказывание, от него к словесному (письменному) высказыванию) [12, р. 353]. В цепи каузации от физического органа (мозга) Г. Гийом выделяет фазу *S0*, начальной коммутации физического и ментального, которая остается пока “тайной”. *S1* – коммутация мысленного целеполагания в мысленное высказывание. *S2* – коммутация мысленного высказывания в устное (письменное) и далее в дискурс [28, р. 109] – наиболее креативная часть, которая обусловлена осознанной ментальной активностью субъекта речи. При этом речевой акт рассматривается не более как момент выражения мысли и не как высказывание (мышление материализованное в дискурсе), но размышление в аспекте психофизического (нейроментального) синтеза [28, р. 111]. Нейронный и ментальный уровни представляют одну субстанцию из двух составляющих. Подробно анализируя явление коммутации физического (нейронно-механического) и ментального, М. Валет формулирует гипотезу о триптихе: *мозг – мышление – речь (langage)*. Эта гипотеза основывается на положении Г. Гийома о том, что мышление находится между двумя потенциями (*puissances*): с одной стороны, мозга, с другой, языка [28, р. 113]. Поэтому совершенно естественно постулируется существование ментально-нейронного (психофизического) синтеза уже при первых лингвистических движениях (*du vu en pensée*) и физических движений в мозге. Г. Гийом исключает недоступность изучения такого синтеза, который может быть предметом научного диалога между лингвистами и неврологами [28, р. 113].

Психофизический синтез реализуется в зоне означаемого знака и относится к наиболее глубинным уровням взаимодействия языка и мышления.

Один из последователей Г. Гийома М. Туссен, спустя двадцать лет после кончины метра, сформулировал свою теорию аналитической нейролингвистики [26]. В основе этой теории: 1) непризнание дуализма психического и физического (ментального и нейронного уровней)

как диалектических составляющих психофизического синтеза; 2) утверждение, что означаемое представляет отдельные моменты нейролингвистических операций, которые измеряются энергетически. По сути дела, ученый утверждает, что означаемые “вписаны” в кортицеребральную структуру. Поэтому нейролингвистический кинетизм представляет, по мнению М. Туссена, объективную реальность и в строгом смысле слова может быть осмыслен на уровне психомеханики [26, р. 75].

Исключая из поля анализа психосистематику (означаемое) как самостоятельный уровень, М. Туссен солидаризуется с мыслью А. Боннара о том, что гипотеза Г. Гийома о работе мозга представляет “черный ящик” [26, р. 70].

Одно из важных положений, на которые обращает внимание М. Туссен, является разграничение нефизических (нематериальных) и физических (материальных) разделов лингвистики, которые упоминает Г. Гийом [26, р. 73]:

М. Туссен декларирует свою материалистическую позицию, поскольку, по мнению ученого, лингвист имеет дело с материальной и измеряемой реальностью.

Утверждение о языке (системе языка) как нематериальном построении в голове человека характерно для теории психофизического дуализма (ментального и нейронного уровней), которую не принимает М. Туссен.

Такое понимание материализма при толковании лингвистических феноменов обусловило эпистемологические постулаты теории аналитической нейролингвистики М. Туссена. Разграничение “материалистического и идеалистического” оперативного времени ученый связывает соответственно с “физическими и нефизическими” разделами лингвистики.

Утверждение о том, что язык ментально “вписан” в нейронный субстрат является основным постулатом аналитической нейролингвистики М. Туссена, которая остается гипотетической теорией во многом спорной в части соответствия положениям лингвистики Г. Гийома.

Нейролингвистическим исследованиям в аспекте теории Г. Гийома посвящена докторская диссертация Ф. Моннере [23], основные положения которой изложены в соответствующей научной статье [22]. Ученый полагает, что гийомовская нейролингвистика базируется на двойной гипотезе, которая выходит за рамки собственно нейрофизиологии и характерна для лингвистических исследований. Эта гипотеза предполагает, во-первых, реальность оперативного времени, которое характерно для синхронии и диахронии, во-вторых, оперативное время рассматривается как референт ментальных операций.

В интерпретации оперативного времени существуют некоторые расхождения. Отдельные исследователи связывают толкование оперативного времени с бинарным тензором [общее – частное – общее] при классификации, например, форм, содержащих семантические единства; другие ученые интерпретируют реальность оперативного времени, анализируя речевую деятельность как аутентично ментальную [22, р. 33]. Впрочем, форма при этом, по мнению ученых, может быть различной: кинетизм артикля на оси бинарного тензора, горизонтальная ось хроногенеза и т.д. [22, р. 26].

Накануне второй мировой войны Г. Гийом сотрудничал с видным ученым, одним из авторов монографии о нейролингвистике А. Омбретаном. Ш.-П. Бутон одним из первых исследователей использовал лингвистические идеи Г. Гийома в области анализа патологии речи [22, р. 26–27].

По мнению Ф. Моннере, в настоящее время нейролингвистические разыскания сосредоточены в двух направлениях: первое связано с широкой когнитивной программой, второе – с совершенствованием методики (техники) церебральных исследований. В обоих случаях речь рассматривается как один из аспектов ментальной деятельности человека, наряду с памятью, вниманием, целеполаганием (*la vision*) и общими принципами моделизации ментальной активности [22, р. 28].

Описывая аграмматизм как один из видов часто встречающихся афазий, Ф. Моннере разграничивает структурный уровень (компетенцию) и процедурный (перформацию), что в общем соответствует языку и речи, которые онтологически представляют систематику речи [22, р. 28–31]. Другими словами, нейролингвистика, о которой говорит Ф. Моннере, базируется на систематике речевой деятельности.

К аграмматизмам в плане означаемого Ф. Моннере относит: 1) грамматические слова (непредикативные части речи), которые часто опускаются или заменяются лексическими словами (предикативными частями речи); 2) речевое воспроизведение номинальных форм вместо вербальных; 3) пропуск вспомогательных глаголов при продуцировании сложных вербальных форм; 4) употребление инфинитивов вместо финитных форм глагола. В плане означаемого отмечают следующее: 1) преимущественное употребление согласных, чем гласных или же 2) звонких согласных, чем глухих гласных; 3) частое использование односложных слов в сравнении с многосложными [22, р. 33].

В перспективе систематики речи каждая пара: афазия (аграмматизм) > норма может рассматриваться как начало (*Avant*) и завершение (*Aprus*) оперативного времени, реализуемого построениями на уровне означаемого языкового знака:

начало (афазия)		завершение (норма)
1) непредикативные части речи	→	предикативные части речи
2) вспомогательные глаголы	→	функционально полнозначные глаголы
3) существительное	→	глагол
4) инфинитив	→	личные формы глагола

Для 1-го и 2-го случаев афазии характерна дематериализация (*subduction*), которая приводит к грамматизации. Семантически более “легкий” элемент появляется вначале (непредикативные части речи и вспомогательные глаголы). В завершении более “тяжелый”, семантически более полный компонент требует больше оперативного времени для своего конструирования (предикативные части речи, полнозначные глаголы). В случаях 3 и 4 наблюдаются различия между компонентами их индигенции (потенциальной семантической сочетаемости). Начальный компонент ассоциируется с неполнотой (*incomplétude*) формального порядка [22, р. 34].

Итак, общие характеристики специфической лингвистической дезорганизации, в частности для афазий Брока, сводятся к тому, что альтернативный аграмматизм появляется вначале, если он не опущен или заменен; его субститут – более поздний компонент системы. Другими словами, аграмматизмы афазий Брока очевидно испытывают трудность при перехвате (остановке) означаемого и означющего (в общем синтезе ментального и нейронного уровней) начального компонента, прерывающего систематику речевого акта (деятельности) [22, р. 35].

Предлагаемая Ф. Моннере модель анализа афазии позволяет избежать противоречия в толковании речевых вариантов и их лингвистических патологий, поскольку языковая система содержит потенциальные (конвенциональные) формы, которые реализуются в речи в виде вариативных конструкций.

Парное предоставление начала (самой афазии) и ее “нормативного” завершения в одном отрезке оперативного времени на оси бинарного тензора даёт возможность подойти к характеристике афазии как со стороны лингвистической (ментальности), так и нейрофизиологической.

Подведем некоторые итоги:

1. Лингвистический ментализм (феноменология языка) кинетичен по своей природе; реконструируемая гипотетическая цепь мышление – язык – речь/дискурс связаны как универсум опыта, универсум представления, универсум выражения, в которых реализуется общая операция коммутации языкового (ментального) и нейронного уровней от потенциального до реализованного.

2. Основным критерием нейролингвистических исследований является оперативное время как референт лингвистического (ментального) кинетизма. Последний обеспечивается нейрофизиологическим субстратом.

3. Реконструкция нормы на фоне афазии позволяет определить, во-первых, нереализованные потенциальные свойства компонентов в систематике речи (речевой деятельности), во-вторых, некий сбой в перехвате (остановке) ментально-нейронного характера.

4. Намеченные Г. Гийомом и дополненные М. Валет фазы коммутации физического (нейронного) и ментального уровней при переходе мозг – мышление – дискурс в относительной корреляции каузативной (в какой-то мере неосознанной ментальной активности) и креативной (осознанной ментальной активности) могут быть своего рода поэтапной программой нейролингвистических исследований лингвистов и неврологов, их диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутин Т. В. Порождение речи : Нейролингвистический анализ синтаксиса / Ахутин Татьяна Васильевна. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Гийом Гюстав ; [общ. ред. послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной]. – М. : Editorial URSS, 2004. – 204 с.
3. Гируцкий А. А. Нейролингвистика : [пособие для студентов] / А. А. Гируцкий, Н. А. Гируцкий. – Мн. : Тетра-Системс, 2010. – 192 с.
4. Минкин Л. М. Проблемы значения в теории языка и речи / Л. М. Минкин // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – Х. : Константа. 2000. – № 471. – С. 179–192.
5. Минкин Л. М., Моисеева С. А. К проблеме соотношения мышления, языка и речи / Л. М. Минкин, С. А. Моисеева // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 103–109.
6. Могила Л. М. Теперешній час дієслів французької мови : системно-функціональна інтерпретація : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.05 “Романські мови” / Л. М. Могила. – К., 2011. – 20 с.
7. Морфология и синтаксис частей речи / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. – М. : Просвещение, 1982. – 400 с.
8. Реферовская Е. А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. Курс лекций по языкознанию / Елизавета Артуровна Реферовская. – СПб. : Гуманитарное агенство “Академический проект”, 1977. – 125 с.
9. Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. – М. : Просвещение, 1982 – 764 с.
10. Серл Д. Открывая сознание заново / Джон Серл ; [пер. с англ. А. Ф. Грязнова]. – М. : Идея – Пресс, 2002. – 256 с.

11. Синтаксис простого и сложного предложений. – М. : Просвещение, 1983. – 334 с.
12. Boone A. et Joly A. Dictionnaire terminologique de la systématique du langage / Boone Annie et Joly André. – P. : l'Harmattan, 1986. – 443 p.
13. Guillaume G. Langage et science du langage / Gustave Guillaume. – Québec : Presses de l'Université Laval, 1969. – 286 p.
14. L'information grammaticale. Vitalité de la psychomécanique du langage : [Электронный ресурс]. – 2010. – Juin (№ 126). – Режим доступа : http://poj.peeters-leuven.be/content.php?url=issue&journal_code=IG&issue=0&vol=126
15. Langue française. La langue française au prisme de la psychomécanique du langage : heritages, hypothèses et controverses / Olivier Soutet. – Paris : Larousse : Armand Colin, 2005. – 127 p.
16. Le français moderne // Jeunesse du guillaumisme. – 2003. – № 1. – 139 p.
17. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1948 – 1949. Série A. – Québec : Les Presses de l'université Laval ; P. : Librairie C. Klincksieck, 1971. – 269 p.
18. Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. Grands voies et chemins de traverse de la sémantique cognitive. Nouvelle série. – Peeters, 2010. – T. XVII. – 192 p.
19. Moeschler J., Reboul A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique / J. Moeschler, A. Reboul. – P. : Ed. du Seuil, 1994. – 562 p.
20. Moignet G. Etudes de psychosystématique française / Moignet Gérard. – P. : éd. Klincksieck, 1974. – 283 p.
21. Moignet G. Systématique de la langue française / Moignet Gérard. – P. : éd. Klincksieck, 1981. – 341 p.
22. Monneret Ph. Les exigences théoriques d'une neurolinguistique guillaumienne / Ph. Monneret // Le français moderne. Revue de linguistique française. – 2003. – № 1. – P. 26–36.
23. Monneret Ph. Pour une psychomécanique des pathologies du langage. Etude de neurolinguistique théorique : thèse de Doctorat de l'Université Paris / Ph. Monneret. – P., 1996. – 1368 p.
24. Popovych M. M. Cours théorique de grammaire française. Morphologie / M. M. Popovych. – Чернівці : Букрек, 2010. – 288 с.
25. Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume. Recueil de textes inédits préparés en collaboration sous la direction de Roch Valin // Les Presses de l'Université Laval. – Québec, 1973. – 276 p.
26. Toussaint M. Vingt ans après ou Gustave Guillaume et la neurolinguistique / M. Toussaint // Revue Romane. – 1972. – VII, 1. – P. 68–89.
27. Valette M. Enonciation et cognition cher Guillaume / M. Valette // Le français moderne. – 2003. – № 1. – P. 6–25.
28. Valette M. Linguistiques énonciatives et cognitives françaises. Gustave Guillaume, Bernard Pottier, Maurice Toussaint. Antoine Culioli / Valette Mathieu. – P. : éd. Champion, 2006. – 316 p.
29. Valin R. Introduction / R. Valin // Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1948–1949. Série A. – Québec : Les Presses de l'université Laval ; P. : Librairie C. Klincksieck, 1971. – P. 9–58.

Дата надходження до редакції
08.11.2012